

Свидетельство об узах. Брат М. Л. Сигарев.

Октябрь 27, 2023 Свидетельства

Господь сказал:



> 18 ... Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её;
>
> Евангелие от Матфея 16:18 — Библия: https://bible.by/syn/40/16/#18



И мы сегодня свидетели того, как врата ада оказались в постыжении после очень многих атак на Церковь Иисуса Христа. Господь положил на сердце мне прочитать два места Священного Писания. А потом хотелось бы поделиться воспоминаниями, о пути, которым Господь провёл. И в надежде, что возможно ещё повторятся эти гонения, может ещё более суровые, чтобы то, через что Господь проводил народ Божий, послужило на пользу тем, кто будет потом идти этим путем.

Псалом 124:

> 1 Песнь восхождения. Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется: пребывает вовек.
>
> 2 Горы окрест Иерусалима, а Господь окрест народа Своего отныне и вовек.
>
> 3 Ибо не оставит Господь жезла нечестивых над жребием праведных,...
>
> Псалом 124 — Псалтирь — Библия: https://bible.by/syn/19/124/#1

Господь нашёл меня. Я вырос не в баптистской семье, считалась православной наша семья.

В 1942 году познакомился с верующими, баптистами. В 1945 году, на встрече Нового года, 45-го ода Господь явил чудо, возродил меня и сделал дитём Своим. Этого никогда забыть нельзя. Какая радость! Какое счастье наполнили сердце. Потом настал счастливый день и моего крещения.

Нам сказали, что на крещение (нужно) прийти к 7 часам утра, идти на речку. Приходим

в Молитвенный дом, никого почти нет. После меня принималась ещё группа верующих, я ещё в армии от служил, а среди них одна сестричка, учившаяся в техникуме. И вскоре я узнаю, что пресвитера, который нас крестил, снялись с пресвитерства. Пребыл старший пресвитер и заявил в Церкви:

- Нам пресвитера нужно заменить!

Все в недоумении.

- А почему? Что за ним грех?

- Нет за ним греха нет. Но так надобно Господу.

- Как это так? Надобно Господу, а греха за ним нет?

Церковь с молитвой, с постом просила у Господа служителя и Бог послал. Это действительно был пастор Церкви. Андрей Трофимович Бескровный.

Церковь не согласилась на это. Тогда старший пресвитер заявил, это был тогда Николай Иванович Карнаухов:

- Вы увидите, во что это всем вам обернётся. На Молитвенный дом будет повешен замок.

Ну так и случилось. Приходят на собрание - замок. Потом стали по домам ходить, убеждать о том, что приходите, что вы так упорствуете.

Майкопская Церковь в то время насчитывало 800 членов. Восемнадцать душ подняли руку за замену пресвитера. Этого оказалось достаточно.

Вот вновь избранный пресвитер обращается к молодёжи, подходит Новый год, говорит:

- Молодёжь! Я знаю, что вы желаете встретить Новый год, но вы знаете, что всё, что мы имеем право делать, ограничено стенами Молитвенного дома. За пределами Молитвенного дома мы не можем ничего делать, только посетить больного, умирающего.

И так, встретили мы Новый год. Это был последний Новый год перед моей службой в армии, так и четыре года я отсутствовал. Возвращаюсь, радость такая в Церкви, встреча. Опять буду проповеди слушать. Но смотрю, проповедуют самые сладенькие проповедники. А те, которые были очень любимы, говорили в силе Духа Святого сидят. Я, конечно, спрашиваю:

- Почему?

- Уполномоченный не разрешает им проповедовать.

И вскоре я из Майкопа уехал, был в Омске, а там община не зарегистрированная. С регистрации снята, собраний нет. А душа ищет, жаждет общения. Кое-как узнал, что молодежь, как выразились старшие, к которым был у меня адрес: "Своевольничают! И

всё-таки собирается".

И мне удалось побыть на собрании молодежи. Старших никого почти нет, молодые братья проводят собрания. Но так искренне, я вдохнул, как бы свежего воздуха. И другу своему, с которым мы приехали: "Вот здесь свобода для духа. А там был какой-то гнет". Но и здесь постоянно мы были под контролем. Старшие увещевали нас:

- Молодежь! Ну потерпите, потерпите пока общину зарегистрируют. Вы вот вашими собраниями оттягиваете время регистрации. Вам-то хорошо, а все томятся без собрания.

Молодежь потерпит, потерпит и опять нет (опять отказ). Регистрировать не собираются. Опять начинают собираться.

Помню однажды тоже встреча Нового года, старшие знают, что молодежь будет встречать. И решили так:

- Молодежь! Давайте мы вместе с вами встретим Новый год и потом вы идите по домам, а мы пойдём спать.

А у молодежи всё приготовлено уже. И побыли мы со старшими, до 12, кое как, и потом они скорее по домам, а мы, кто имел своих родителей, были предупреждены: "Если вы не сможете уйти, так чтобы ваши отцы не знали, - особенно одна там сестричка, отец её был член двадцатки, - Если не сможешь уйти, чтобы папа не знал, то лучше не приходи, иначе ты след протянешь туда". Мы собрались в отдельном месте, сестрички нет. Потом, смотрим, появляется ликующая, говорит: "Не выдержала, дождалась пока папа заснул, крепко заснул, и тогда ушла".

Сейчас, кажется, трудно поверить, что было такое.

Ну, потом возвращается из уз пресвитер, который был на пять лет осужден, тот не считался с запретами, и стали собираться свободнее. И так расслабились, что Новый год, 1957-й, встречали особенно торжественно. Всю ночь провели в молитве, в пении, в служении. Первое же собрание после Нового года, а среди верующих пошли разговоры о том, как молодежь хорошо встретили Новый год. Были покаяния, сокрушения. Была беседа о пришествии Христа, о тех, которые будут встречать закрытую дверь, не готовые. И такие просьбы, чтобы ещё молодежь повторили такое. На первом собрании нас оставляют, объявляют: "Братья и сестры! Нам необходимо отлучить от Церкви..." и называет троих нас. Мишу железнодорожника, так меня звали, Павлика Казарезова и Анну Ульяновну Андриенко. Анна Ульяновна - это мама председателя Совета родственников-узников, Казарезовой Александры Тимофеевны. Все в недоумении:

- Как! За что? Что-то тайное они совершили?

- Нет, но если мы их не отлучим, то нас не зарегистрируют. Так мы дальше будем без собрания, без Дома молитвы. Так, что они должны принять за себя удар этот, чтобы благо было всем.

И так принимается решение, нас троих отлучить. Двоих из нас молодых братьев и хозяйку дома, где это общение было. Отлучить, ну приветствовать вроде можно и так далее. Опять гнёт на душе. И были вопросы: "Господи! Господи! Кто же в Церкви распоряжается? Уполномоченный или Ты? Ведь я тебе обещал добрую совесть, чтобы не сидеть, не спать, а служить тебе!"

Молился Господу: "Господи, сохрани сердце от обиды, чтобы не опустились руки". И Господь услышал, сохранил.

Ну, мы побыли всего месяц отлучёнными. Потом нас восстановили. Три брата не местных. Потом узнала это Александр Афанасьевич Шалашов, Павел Фролович Захаров (*от автора перевода аудио в текст: Павел Фролович написал гимн, пользующийся особой любовью гонимых: «Не унывай в пути своем...", когда Александр Иванович Моднов рассказывал о Павле Фроловиче, то он плакал и плакал, когда исполнял его гимн*) брат Ваня Гауф. И, значит, Павел Фролович делает сообщение о жизни братства, о положении Церкви в нашей стране.

Я не могу без слез вспоминать, как Бог послал ответы на те вопросы, которые мучили душу. Наставники есть, но некоторые убоялись. А вот то, что я услышал, это окрылило. Слава Господу, Церковь живая, в Ней не властвует безбожники, в Ней властвует Дух Святой.

И так мы в Омске стали собираться, получили послание инициативной группы. Я читал однажды, брат делится воспоминаниями, говорит: "Я обливался слезами от этого послания, - так было и со мной, - Прочитали с женой, вот что нужно, у нас детки растут, а мы их в собрании не водим". Почему? Однажды мы идём в собрание, встречается сестра со слезами, двух девочек ведёт. Это жена покойного пресвитера Омской Церкви, Николая Романовна Савченко.

- Что такое, Люда?

- Не пустили нас с детками в собрание.

И тут срочно власти забеспокоились, объявляют: "Кто желает быть в зарегистрированной общине - записаться в список".

Собирают списки и мы, немногие, не записались в этот список, остались вне регистрации. Нам объявляют, что приехал в Омск Иван Иудович Моторин, беседует о регистрации, соберитесь в таком-то месте. Собрались братья, и Иван Иудович, и как ни в чём не бывало объявляет:

- Братья, в субботу было собрание, решён вопрос регистрации общины и избрания пресвитера.

- Как так?

- Вот всё! Уже решён вопрос регистрации, избрана двадцатка, избран пресвитер. Вот,

пожалуйста, и вы включайтесь во всё это.

Было очень большое смущение. Но, а Бог делает так, что неверные служители раскрывают себя в особых обстоятельствах. Мы так продолжали собираться.

небольшой группой, все были в посте, в молитве. И так с поста и молитвы началось наше служение.

По милости Божией Господь усмотрел для меня жребий служения. Был избран на пресвитерское служение в 1967 году и в 1969 году был осуждён на первый срок. Как время у нас ограничено, самым насущным хочется поделиться. Это те ошибки, которые были допущены мною в узах. Хотя был уже пресвитер, но оказавшись в заключении, так имел наставление от Господа, молиться и действовать открыто, свидетельствовать открыто. Ну, вот в чём был пойман в сети лукавого. Я очень благодарен Господу, что Господь через инициативную группу призвал Церковь к постам по пятницам. Какое это благословение, смирять душу свою пред Господом. Потом после мы в Церкви согласились ещё и в среду поститься о детях. Так я и продолжал в узах. Когда оказался в колонии, был зачислен на очень тяжелую работу грузчиком, металл мы разгружали, и детали металлические грузили, очень тяжёлая работа. И вот мне приходит мысль, здесь так вот не осилишь поститься часто. Оставил пост по средам, а потом почти оставил по пятницу. Как-то время стало тянуться очень тягостно, а что именно эта причина, я не заметил. И ещё, братья и сёстры, одно обстоятельство. Я всегда привык быть очень и очень занятым на свободе. И меня пугало безделье в тюрьме. **Когда оказался в камере, я думал, чем тут скрашивать время? Вот туда приносят газеты, как-то мне предложили книгу Достоевского "Преступление и наказание", я думал, ну буду читать, это вроде верующий писатель, начал читать её, и чем больше читаю, тем больше какая-то тяжесть ложится на душу. Доходит почти до физической боли. Я не могу сообразить, в чём дело.** Бросил читать, стало спокойнее.

Потом в лагере, как я уже говорил, что оставил пост, предложил прочитать биографию Достоевского. Взял, тоже начал читать, опять то же самое. Бросил. Передали мне Евангелие. И вот здесь Господь дал мне разуметь, какая величайшая разница для внутреннего человека хлеб или вот эта пустота, или вода, водоём разбитый, который не может держать воды.

Я читал Евангелие. Уединялся, чтобы не видели, иначе отберут. И вот такой метод уединения нашёл. Зрение еще было хорошее. После работы ложусь на койку, укрываюсь головой простынью и читаю под простынью Евангелие. Та отрада, которая была там под простынью, наедине с Господом, ни с чем не сравнима. Я думаю: "Господи! Как я мог поменять? Пусть нет Евангелия в руках, но оно есть в сердце, есть в мыслях. Нужно размышлять об этом и так будет отрадно".

В первый срок меня постигла очень большая скорбь, умерла жена, осталось восемь деток. За месяц до этой скорби Бог послал туда (ко мне) брата Якова Петровича

Рогальского из деревни Кусиково, Омской области. Пришёл он с работы, ему сказал, что так и так, вот такая скорбь, мы помолились, он ушёл в свой барак, я в свой, лёг на постель, и такая скорбь сдавила душу, прям, кажется, как физические тиски, что-то зажало. Такой мрак, такая тяжесть. Становлюсь на колени у койки, молиться нет силы. Я ночь почти провёл без сна, и с (большим) трудом было в молитве. Так враг (делает), какое-то уныние, даже подкрадывалось отчаяние. Смысл жизни, якобы, потерян. Утром, я опять вспоминаю, как Господь защитил. Опять прибегаю к посту, не иду в столовую, а Бог всё усматривает. Я работал там, делал пристройку к бараку. Помощники были у меня, но они ленились сильно, их всех прогнали. Я один работал. Поднялся на чердак ,склонился в молитве пред Господом и тяжесть отвалилась. Братья и сестры, может быть кто-то в жизни тоже встречается с такими испытаниями, из которых кажется нет выхода, тупик, мрак, смысл жизни потерян. Знайте, что это враг смог приблизиться к вашей душе, за то, что вы не были достаточно вооружены, и вашу душу теснит. В день поста тяжесть эта отвалилась, печаль, конечно, скорбь осталась, но тяжести этой не стало. Какой-то даже покой в душе, утешение от Господа.

Кончается срок, вызывает работник КГБ. На похоронах был работник КГБ. И так вот спрашивает:

- Я был на похоронах, дети очень сильно плакали. Что теперь с ними делать, с детьми? Есть два варианта. Один вариант – определить детей в детдом на полное государственное обеспечение, - и тут же добавил, - За это ничего не нужно. Второй вариант – оставить детей с бабушкой. Перевести пенсию жены на них. Что вы скажите?

- Я не могу согласиться на то, чтобы детей оторвать от бабушки. Жена болела, часто была в больнице. Они к бабушке привыкли, и если оторвать их от неё, это будет для них больше травмы, чем даже смерть матери.

- Я понимаю ваши отцовские чувства, но должен вам сказать, что я не сам здесь по себе, а по поручению РайОНО (районный отдел образования). И мне сказали, что этот вариант возможен, если вы по освобождению согласитесь идти в регистрированную общину. Или находясь в не регистрированной общине, действовать в некотором согласии с нами. Что вы скажете?

- Я на это согласие не даю.

- Ну вот! Я считал вас порядочным человеком, а вы меня подводите. Я от вашего имени сказал, что вы разумный человек, любящий своих детей, и вы на это согласитесь.

Господь выложил, что сказать.

- Я не поручал вам говорить от имени моего.

- Но я тогда не могу обещать, что дети не будут взяты. Дети будут взяты в детдом.

И так он уехал, и думаю: "Вот утешил".

Потом на свободе уже опять посещают, возят в прокуратуру. Два месяца всего прошло на свободе, возят в прокуратуру. И опять этот же КГБист с начальником своим спрашивает:

- Как живёшь?

- Ну как? Вы знаете, как живу.

- На работу устроился?

- Нет.

- Почему?

- Нигде не принимают, вам же это известно?

- Да, жаль, жаль. Но, должны сказать, положение может еще более ухудшиться. Это зависит от того, как ты будешь действовать, благоразумно или неблагоразумно.

Спрашивает у меня:

- Что ты делал в колонии 18 мая?

- Раз вы спрашиваете, значит знаете...

А я пытался передачу нелегальную передать братьям, которые там были и вот они на этом деле решили составить дело.

- Вот теперь у нас есть основание осудить и религиозную статью здесь не применить, верующие поддерживать не будут тебя, средства массовой информации в наших руках, мы сможем так обработать верующих, что они от тебя отвернутся, за пять лет. Детей теперь точно уже заберём детдом и постараемся за пять лет воспитать их так, что они будут врагами тебе. Но мы не такие злые, как вы о нас думаете. Мы не желаем тебе плохого. Помнишь, в колонии я только намёк тебе делал? А сейчас прямо скажу, ты должен дать согласие сотрудничать с нами. Да, ещё подчеркиваю, вот что ты теряешь, если не согласишься. Теряешь верующих, как друзей, теряешь детей. А согласишься, всё будет твоё. Об этом знать никто не будет. У вас есть те, кто помогают нам, они у вас в активе, об этом никто не знает. Тайну мы хранить умеем.

Я говорю:

- Будет знать Бог, и будет знать моя совесть. Это достаточно, я согласие не даю.

- Ну, тогда иди, ожидай ареста.

- Месяц, сроку на обдумывание. Согласишься, приходи в любой день, всё будет хорошо, как мы сказали. Не согласишься, всё будет плохо, как мы сказали.

И точно, через месяц арестовывают.

Когда я с этой беседы пришёл домой, дочь старшую, 13 лет ей было, спрашиваю:

- Леночка, ты знаешь, зачем меня вызывали? Я ничего не хочу скрывать от вас, от детей. Предложили мне сотрудничать с КГБ, чтобы не быть арестованным, чтобы с вами быть. Ты меня будешь любить как папу, зная, что такими делами буду заниматься среди верующих (сотрудничать с КГБ). Говори, что в сердце.

- Нет пап, не смогу.

- Благодарю, Леночка.

Такой же вопрос задаю сыну. Опустил он голову, думал, думал и говорит:

- Не смогу.

- Благодарю, сынок. Я отказался, теперь нас ждёт разлука, арест. Пусть Господь вас сохранит.

И так точно осудили на 5 лет. И детей, как беЗпризорных определить в детдом. Я очень нуждался в молитвенной поддержки. В Омской области было 9 колоний. А меня привезли в колонию, где был брат наш. Он тогда был дьякон Николай Романович. Встретились мы с ним, и я говорю:

- Брат! У меня великая нужда молиться, чтобы дети не попали в детдом. Всё остальное, я верю, что Господь даст сил нести, но о детях..., что бы там они оказались в руках безбожников, не приемлет это сердце.

Начали мы молиться. Однажды в пятницу, пребываю в посте, на работе я поранил руку. Меня вывели в жилую зону. Потом брат вышел. Я говорю:

- Брат! Это, наверное, сигнал к тому, чтобы нам поститься не только по пятницам, а больше.

Брат согласился.

Так было обоюдное согласие, семь раз поститься по двое суток подряд, пятница и суббота. Но это оба дня рабочие, потом мы стали поститься в пятницу, в субботу и в воскресенье. И вот после семи таких постов молитв, получили внутреннее свидетельство, что Господь молитву услышал, и дети будут защищены. Так и было! Так и было!

Все 5 лет детей никто никуда не прятал, они ходили в школу, безбожники заговорят, вызовут маму (их бабушку):

- Почему ваши дети не пионеры, вы их неправильно воспитываете, они должны быть в детдоме.

Поговорят и всё, на этом закончено. Бог связал руки.

Еще, братья и сёстры, хочется сказать, вернуться к первому сроку, о молитвах народа Божьего. Однажды я в рабочей зоне стоял у наждака и затачивал резец. Заточил одну грань и потом, не понимая почему, чтобы заточить вторую грань, вместо того, чтобы резец повернуть, я повернулся вместе с резцом сам. Стал сбоку наждака. И только повернулся, слышу удар сильный. Я понял сразу, наверное, что камень разорвало ,выключил наждак, выходит мастер из конторки.

- Что камень разорвало?

- Наверное.

Останавливаем, осматриваем, нет ничего, камень целый. Потом мастер смотрит, а наждак стоял у окна, пулевое отверстие в стекле. Говорит:

- Стреляли!

И потом осмотрел наждак, в коробе наждака вмятина от пули. И потом в противоположной стене, у потолка, увидели отверстие. Пуля срикошетила от этого кожуха "ушла" в штукатурку. Ну, можно было достать оттуда. Тогда этот мастер на меня смотрит и говорит:

- Ты как стоял?

Я говорю:

- Вот так вот стоял, вот так вот стоял, заточил одну грань, потом повернулся и... выстрел.

Он ещё, так посмотрел на все и говорит:

- О тебе кто-то молится.

- Да, молится. И не один.

А если бы я не повернулась, то снизу пуля так бы и прошила.

Хочется ещё сказать о чудесах Божьих. Прокурор неоднократно вызывал меня на беседы, это уже было в Лабинске. И потом обыск. Изъяли литературу, вызывает меня. Я говорю:

- Ну что, решили судить?

- Да что ты спешишь в тюрьму? Ты там побывал. Я думаю, что до суда дело не дойдет. То, что изъята литература, мне труда не составит доказать, что она клеветническая. Но это не является составом преступления. Вот если я смогу доказать, что ты эту литературу распространял, тогда другое дело. Но эти показания должен получить от ваших верующих. Я не думаю, что ваши верующие дадут мне такие показания, я не надеюсь на это.

Это мне прокурор говорит и отпускает меня. Я вышел, посетил верующих, почти всех, побеседовал со всеми, вызывает потом на допросы их. А я ещё на свободе. Потом вдруг меня арестовывают. Пришли арестовывать, а вечером в 20 часов дети стали на пороге и не пустили в дом, поздно уже. А мама моя, ещё была жива, старенькая, я говорю ей:

- Мама! Дело идёт к аресту, братья предлагают на нелегальное положение, побыть, потрудиться сколько возможно.

И вот когда у тебе милиция во дворе, мама в доме обняла меня, говорит:

- Сынок, я не благословляю тебя на нелегальное положение, я благословляю тебя на страдание, иди в узы.

- Благодарю, мама.

И меня вскоре арестовали.

Потом, когда я знакомлюсь с делом, узнаю, кто послужил сигналом для ареста. Читаю показание верующих, никто не подтверждает, что я литературу распространял. Просто говорят, что "не отвечаю на этот вопрос", или просто молчат и всё. На заводе, где я работал, работала одна сестричка молодая из регистрированной общины. Я тогда беседовал с ней. Ненаставленность, неведение в очень многих вопросах христианской жизни, даже Библии нет. Я подарил ей Библию. И так в обеденной перерыв мы беседовали, особенно в день поста. Потом я с ней беседую и говорю:

- В братстве нашем будет трёхдневный пост, очень сильные гонения, многие братья арестованы и будет пост в связи с усиливающимися гонениями. Послание такое мы получили.

Она говорит:

- Дайте мне это послание, я тоже буду поститься.

Я подарил ей это послание. И вот сделали обыск у неё и нашли послание вот это. И в при допросе спрашивается:

- Кто вам это дал?

Она так отвечает:

- Я верующая, я христианка, я буду говорить только правду. Мне дал это послание Михаил Лаврентьевич. Он мне не навязывал я сама у него попросила.

- Этого достаточно.

И приговор был основан на показаниях этой души. Как печально. А читаю, и самому приходилось на допросах бывать:

- На вопрос не отвечаю.

- Это хуже для вас!

- А я от вас доброго ничего не жду.

И всё, то есть мужество, готовность пострадать, но не причинить вреда никому из детей Божьих.

Ещё об одном хочется сказать. Вот все вы здесь сидящие. Я верю в подавляющем большинстве верю тому - любите Господа. И в детях Божьих, Дух Христов живущий, он возжигает в них огонь, огонь служения Господу. И этот огонь в особых обстоятельствах по-особому проявляется.

Особенно хочется сказать о переписке. В первый срок я получил примерно пять писем от не родственников за 3 года. Второй срок больше где-то под 20 писем. Третий срок я получал письма с 400 с лишним адресов. И некоторые не просто такие праздничные поздравления, открыточка там, с Новым годом, с Рождеством, а писали проповеди, главы без Евангелия, я всех здесь не могу назвать. Но вот так Господь положил заниматься таким трудом. Мне времени не хватало, срок летел быстро, не успевал всё что нужно делать. Прихожу с работы, на койке стопка писем. Все подскакивают: "Это все тебе? Не может быть! Во весь отряд, ни одного письма, все тебе!"

И потом спрашивает:
- А можно мне прочитать?

- Сейчас я сам прочитаю, потом вы, пожалуйста.

Разбирают, читают.

- А можно переписать? То, что понравилось можно переписать?

- Пожалуйста.

Я верю, что только в Небе Господь воздаст детям Божьим, которые помнили, молились и писали узником.

Когда освобождался, набрал большую сумку писем и иду с ними на вахту. Вышли из барака, в бараке помолились, уже группа там была, несколько душ. Вышли из барака, спели гимн "Пусть на пороге неведомых дней, сердце не дрогнет твоё. Пусть если даже и станете темней. Ты не страшись ничего". Это я пожелал братьям, которые там остались - не страшитесь ничего. Иду на вахту с сумкой. Большая сумка. Контролёры там встречают:

- Ты куда это? Что там?

- Письма.

- Письма?

- Да их тут никто не хранит, сжигают или в туалет с ними ходят. Оставь их тут.

- Нет! Если можно будет, я эти письма возьму на Небо с собой. И скажу: "Господи! Вот что делают Твои дети, вот как любят Тебя. Любовь Твоя живёт в народе Твоём".

Братья и сёстры за пережитые испытания я сердечно благодарен Господу. И верю, что награда тем, кто страдал, будет обильно разделена с теми, кто молился, и с теми, кто сострадал. И воистину, если мы верим Господу и смотрим не на видимое, на обетования Божие, увидим славу Божию.

Я никогда не был в Иерусалиме, никогда не видел гору Сион, но верю, что всё, что там пробушевало, все цари, которые завоевывали Иерусалим и разрушали его, с землей сравнивали здания величественные и храм, в том числе. И как свидетельствует история, было время, что Иерусалим был распахан, но гора Сион на том же месте и теперь, верю, что она стоит. Так и дети Божие, которые доверяются Господу, доверяются Его обетованиям, любят Его и служат Ему, они будут сохранены верными, сохранены в жизнь вечную, потому что их соблюдает к вечной жизнь всемогущий Пастырь Господь.

Особенно хочется отметить и служение Совета родственников узников.

В конце второго срока мне вменили полосу, синюю полосу. Я написал об этом домой и не написал, что синяя полоса. Красная - это склонный к побегу, а синяя - это неблагонадежный, способный совершить любое преступление. Так мне пояснили. Я сообщил домой и перед освобождением, за два месяца, останавливает меня замполит:

- Я посажу тебя, накажу тебя!

- За что?

- Потом узнаешь.

Потом вызывает оперативник и работник КГБ. И про это же.

- Ты наделал шуму на всю страну? О тебе пишут, якобы, что тебе кто-то угрожает, тебя кто-то хочет тут убить.

Я говорю:

- Я не понимаю ничего.

- Ты сообщил домой, что тебя тут собираются убить.

- Вы знаете, я не доверяю этому.

- Когда ты будешь освобождаться?

- 19 июня, это воскресенье.

- Вот и будешь освобождаться 19 июня, в 12 часов ночи. Будешь освобождаться под охраной. Это верующие замыслили тебя убить и потом сделать из тебя мученика, как Ваню Моисеева.

За день до освобождения опять вызывает корреспондент областной газеты. Опять то же самое. Я говорю:

- Я сплетням и слухам не верю. Что вы все твердите, что вас тут заваливают письмами, телеграммами, якобы что-то мне грозит?

Он в таком гневе:

- Сплетни?! Слухи?!

Открывает папку, достаёт целую кипу телеграмм. Верхняя, письмо-телеграмма большая, я беру её и читаю: "Ворошиловградская молодёжь. Мы встревожены тем, что нашему брату вменена полоса в конце срока. Мы опасаемся, что это намерение обвинить его в побеге и уничтожить. Просим снять полосу и освободить без надзора".

Я потом узнаю, как же это было оповещено, я то писал родственникам. Оказывается, когда пришло письмо, мама неграмотная, семью посетила сотрудница Совета родственников узников.... свидетельство оканчивается.

Сотрудница Совета родственников узников прочитала в письме о вмененной полосе и сообщила об этом в братстве и потому много "пошло" писем и телеграмм в место заключения брата Михаила Лаврентевича с тревогой за его судьбу.

Пение: Вас славные служители христовы

Куплет 1:

Вас, славные служители Христовы,
Приносим мы в молитвах в этот час;
Пусть вознесется наш свободный гдас
К Тому, Кто силен сбросить все оковы.

Куплет 2:
Христа вы возвеличили собою,
О Нем вы возвешали не стыдясь
И, до изнеможения трудясь,
Подняли Его знамя над собою.

Куплет 3:
И вот за то, что знамя вы подняли,
Чтоб истина Христова ожила
И грешников к Голгофе привела,
Вы узы и гонения приняли.

Куплет 4:

О славные Христовы знаменосцы!
Для ваших душ не может быть преград.
Господь услышит голос Своих чад,
Хотя ведут вас в тюрьмы, на допросы.

Куплет 5:
Мы здесь в свободном, радостном общеньи,
А вы - одни, без братьев и сестер.
Над нами – неба голубой шатер,
А вас сжимают каменные стены.

Куплет 7:
Дела любви всегда стоят прел нами,
Вы учите, как в истине стоять!
Мы вам стремимся в этом подражать,
Как вы всегда Христу лишь подражали

Песнь возрождения №724
https://hvalite.com/pesni/vas-slavnye-sluzhiteli-hristovy-724

О брате Сигарёве Михаиле Лаврентьевиче 25.12.1927 – 09.08.2023. – Telegraph

Родился Михаил Лаврентьевич 25 декабря 1927 года.

Брат Михаил Лаврентьевич Сигарев ушёл к Господу 9 августа 2023 года.

Некролог

Живущий под кровом Всевышнего (Псалом 90)
25 декабря 1927 года в семье Лаврентия Яковлевича и Натальи Карповны Сигарёвых родился сын Михаил (в документах дата рождения значилась: 1 января 1928 года). Этому мальчику было суждено прожить долгую и счастливую жизнь (95,5 лет), наполненную благодатью и служением Господу, радостью в Боге и страданиями ради Христа.
В школе Миша учился на «отлично», а отец, хотя и был председателем одного из колхозов в Орловской области, позволил сыну не вступать в пионерскую организацию.
В 1940 году семья Сигарёвых, в которой были два сына и две дочери, переехала на Кавказ и поселилась в хуторе Первомайском в двенадцати километрах от Майкопа. В том же году умер отец. Старшего брата призвали в армию, и в первый же день войны он попал в плен, из которого уже не возвратился. Миша, окончивший к тому времени четыре класса, стал для мамы хорошим помощником.
Однажды Бог послал Евангелие в дом Сигарёвых, его приходила читать вслух бывшая член Церкви. А на Рождество (25.12.1942) Миша впервые попал на богослужение баптистов в Майкопе. В то время запрещалось произносить призывные проповеди, но юноша осознавал свою нужду в покаянии. В канун 1945 года, придя в Дом молитвы, он услышал в душе ясный голос: «Сегодня твой день, день покаяния». Когда собрание

закончилось, Михаил встал и заявил: «Братья и сёстры, я желаю служить Господу!».
Михаил Лаврентьевич позже рассказал об этом так: «Пресвитер записал мою фамилию и адрес, и хотя мне даже не предложили помолиться и не провели со мной ни одной беседы до крещения, как с приближённым, Дух Святой возродил меня. Моё сердце наполнилось великой радостью и счастьем».
В 1947 году Михаил вместе с мамой и другими людьми принял крещение. После крещения, следующей группы уверовавших, приехал старший пресвитер Карнаухов и потребовал, чтобы заменили пресвитера, сказав: «За ним греха нет, но так надобно Господу - в противном случае, на Дом молитвы будет повешен замок». Из восемьсот членов церкви за замену пресвитера проголосовали восемнадцать человек. Этого оказалось достаточно, чтобы поставлен был новый пресвитер, более покладистый в отношении властей, старавшийся свести деятельность молодёжи до минимума.
В 1947 году Михаил был призван в армию и четыре года прослужил санинструктором на Камчатке. После демобилизации он решил учиться в Омске, в школе машинистов. В этом городе была незарегистрированная община, в которую влился молодой христианин. Часть верующих, очень переживавших о регистрации Церкви, увещевали молодёжь, чтобы сидели тихо. А так как молодёжь всё равно ревновала в служении Богу, по предложению дьякона отлучили от Церкви троих христиан. В душе Михаила, отлучённого от Церкви, было много вопросов, он молился: «Господи, сохрани меня от обиды, чтобы не опустились руки». Через месяц их всё же восстановили.
В ноябре 1957 года Михаил вступил в брак с сестрой по вере Екатериной Беликовой. За четырнадцать счастливых лет совместной жизни Господь подарил им восемь детей.
Когда в стране началось движение за очищение и освящение народа Божьего, в Омск приехали братья Оргкомитета, призывавшие встать в проломе за народ Божий. Единомышленники (около сто двадцати человек) с постом и молитвой начали совершать независимое от мира служение Богу.
Михаил Лаврентьевич имел горячее желание проповедовать о Христе, но о служении пресвитера даже не мечтал - по своему характеру не любил командовать. Но Господь через Церковь определил на служение: в 1967 году брат был рукоположен на пресвитера.
В том же году на него завели уголовное дело, а в 1969 осудили на три года лишения свободы. Так начался путь страданий за проповедь Евангелия: исправительные лагеря, штрафные изоляторы за отказ работать по воскресеньям и за свидетельство о Христе, психологическое давление безбожников... Три срока лишения свободы - в общей сложности десять с половиной лет.
В августе 1971 года, во время первого заключения Михаила Лаврентьевича, умерла верная помощница Екатерина Сергеевна. Сотрудники КГБ склоняли страдальца на грех: оставить служение либо уйти, по освобождении, в зарегистрированную общину, или, оставаясь на месте, сотрудничать со спецслужбой. В противном случае, грозились забрать детей у бабушки и отправить их в интернат.
Через три с половиной месяца после освобождения Михаила Лаврентьевича вновь арестовали во время молитвы на богослужении. Приговор был суровым: пять лет

лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. Суд определил: детей как беспризорных поместить в детдом.

В эти трудные дни узник был много в посте и молитве за детей. И Бог явил Свою милость: мама Михаила Лаврентьевича переехала с детьми в город Лабинск Краснодарского края, где была маленькая группа отделённых. Дети остались с бабушкой.

Страдальца, возвратившегося из уз, утвердили пресвитером. Он обслуживал церкви в Лабинске, Майкопе и станице Упорной. Когда был арестован Григорий Васильевич Костюченко, ответственность за Церкви Краснодарского края возложили на Михаила Лаврентьевича Сигарёва.

15 мая 1983 года Господь соединил в браке Михаила Лаврентьевича с любящей Господа христианкой Ниной Ивановной Дородновой. Бог дал им пройти в единодушии одним путём сорок лет.

На другой день после бракосочетания в доме был произведён милицией обыск и изъята вся духовная литература. 27 мая был новый арест, а затем срок. Брат совершал посольство в узах, свидетельствуя о Христе малым и великим, имея большую переписку с верующими (около четырёхсот адресатов). Через два с половиной года, освобождаясь из заключения, он забрал на свободу и письма, которые бережно хранил, как свидетельство христианской любви.

Теперь начался новый этап жизни. В его доме часто находили приют уверовавшие или приближающиеся к Богу люди, отбывавшие с ним в одной зоне срок. Он часто бывал в отъездах в связи со служением по очищению и освящению в общинах по краю. Родные видели его всё реже.

Жизнь и служение Михаила Лаврентьевича были наполнены благодатью и силой Духа Святого, он совершал молитвы с помазанием над больными, участвовал в изгнании злых духов. Даже на его внешнем облике отражалась благодатность, кротость, мудрость, степенность. Он был добрым пастырем и наставником лабинской Церкви.

Бог дал многочисленное потомство Михаилу Лаврентьевичу: восемь детей, сорок внуков, девяносто два правнука. 9 августа 2023 года Господь позвал от земли Своего раба - в доброй старости, насыщенного днями. «Память праведника пребудет благословенна» (Книга Притч 10:7).

Похороны брата Михаила Лаврентьевича: https://www.youtube.com/live/W2KJR-VVV-8?feature=share

---

Евангелие от Матфея 16:18 | Сигарёв М.Л.



Похожие тексты

Свидетельство о покаянии. Брат А. М. Гантовник



Проповеди, свидетельства, примеры из христианской жизни братьев и сестер Международного союза Церквей евангельских христиан баптистов

Последние сообщения

Духовная война. Брат Юрий Свиридченко

Опиум и прозрение. Свидетельство брата Саши, Воронеж

Арест и суд, 1972-1973 годы. Воспоминания Н.Г. Батурина

Скорбный путь христиан г. Шахты. Свидетельство Н.Г. Батурина

Страницы

Архивные материалы

Перечень текстов mscexb.ru